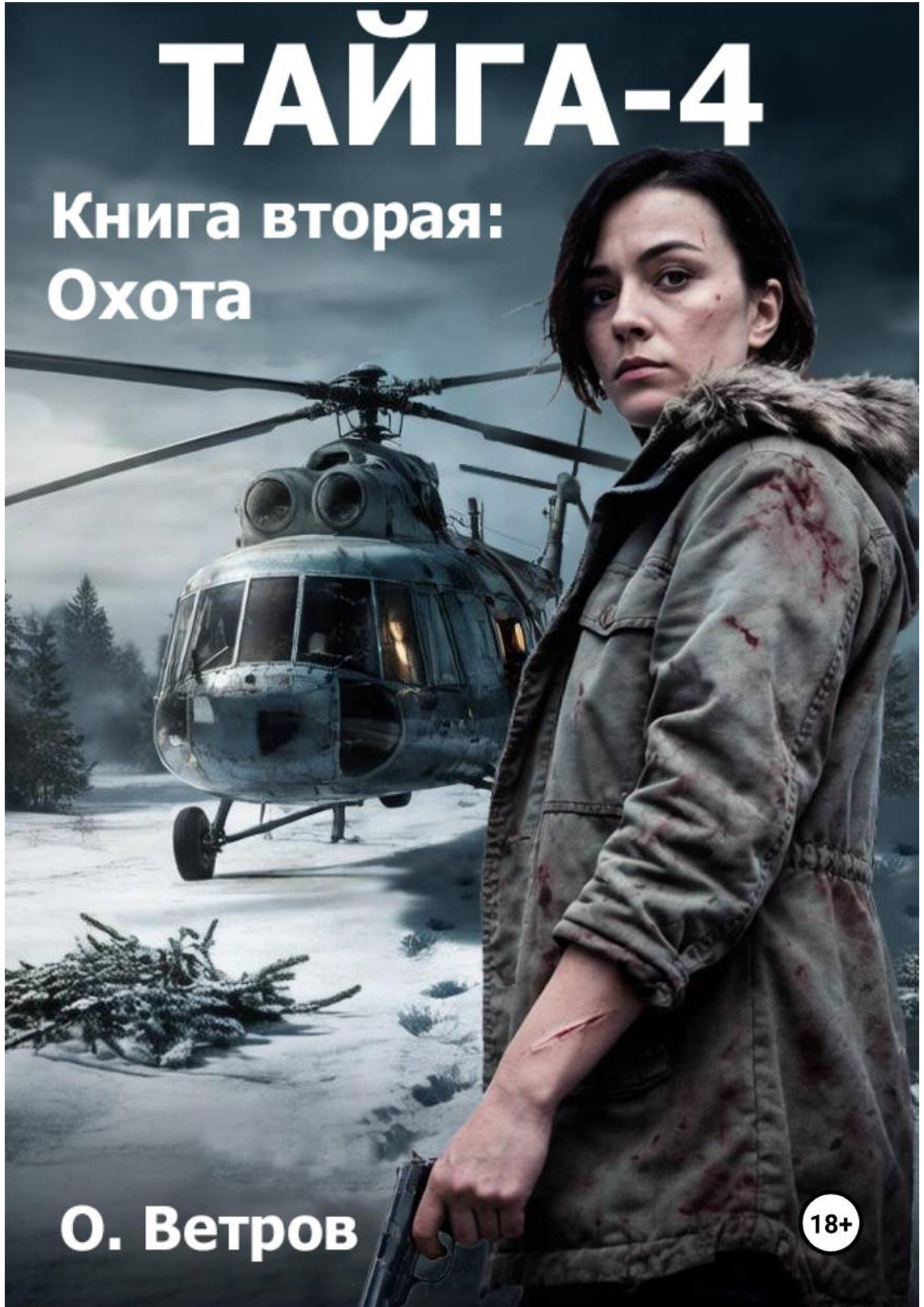

ТАЙГА-4

Книга вторая:
Охота

О. Ветров

18+

Олег Ветров

Тайга 4, кн.2, Охота

«Автор»

2026

Ветров О. В.

Тайга 4, кн.2, Охота / О. В. Ветров — «Автор», 2026

Она вытащила напарника из бункера с живыми мертвецами. Вырвала чужую дочь из рук похитителей. Прошла через лёд Байкала, пули и собственную боль. Но Шэн ушёл. Снова. Теперь у него новая база в горах Алтая. Новые дети в клетках. Новая лаборатория, где людей превращают в послушных кукол. Яна Белкина идёт по следу. С ней — Ковалёв, заново учится жить и вспоминать, кем был. Коля зашивает раны на ходу. Мастер Ли двадцать лет ждал этого часа. Враг знает каждый их шаг. У него есть тот, кто сливает информацию из самых верхов. И приказ: Белкину брать живой. Но Шэн не знает главного. Она больше не защищается. Она нападает. И на этот раз он не уйдёт. Тайга-4. Охота. Конечная остановка — ад. Билет в один конец.

© Ветров О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Олег Ветров

Тайга 4, кн.2, Охота

Глава

Тайга-4. Книга вторая: Охота

Глава 1. Ночь перед выбором

Иркутск выл метелью.

Три часа ночи. Гостиница «Байкал» на окраине — трёхэтажный барак с облупившейся штукатуркой. Номер 317. Батареи едва греют, из вентиляции тянет сыростью.

Телефон в руке нагрелся до температуры тела. Экран высвечивает слова, которые Яна Белкина перечитала, наверное, в сотый раз:

«Чжао Шэн предлагает вам обмен. Ваш друг жив. Приходите одна. Жду звонка. Оригинал флешки — с собой».

Она смотрит на буквы — а видит другое. Операционную в бункере. Ковалёва на столе. Открытый череп, пульсирующий мозг, серебристые нити импланта. И его глаза — пустые, пока она не шепнула: «Три ложки сахара».

В углу комнаты завозился Демьяныч. Старик не спал — лежал с закрытыми глазами, шевелил губами. Молитва. Яна разбирала только одно слово: «Господи».

— Яна. — Голос Кротова. Он на соседней кровати, бледный, с тёмными кругами под глазами. Протягивает свой телефон. Пальцы дрожат. — Ты должна это увидеть.

Катя.

Девочка с тёмными косичками и голубыми бантами сидит за столом в розовой комнате. Ест кашу. Улыбается. Рядом — воспитательница в белом халате гладит её по голове. Ласково. По-матерински. Камера делает наезд: на запястье воспитательницы — татуировка. Две перекрёстные молнии.

Символ Чжао.

Кровь отливает от лица Кротова. Он сглатывает так, будто глотает битое стекло.

— Прислали час назад, — говорит он глухо. — Текст: «Скажешь Белкиной — Катя умрёт. Будешь послушен — будет жить». И ещё: «Оригинал флешки у неё. Пусть принесёт. Отдаст — получит Ковалёва».

— Почему не сказал сразу? — Яна без упрёка. Она уже знает ответ.

— А что бы ты сделала? — В его голосе ломается что-то важное. — Побежала бы в пансионат? Сорвала бы встречу с Шэном? Саша бы умер. А Катя... Я не знаю, что делать, Яна. Я не воин. Я просто отец.

Он отворачивается к стене. Плечи дрожат — не от плача, от бессильной ярости.

— Ты должен был сказать, — Яна говорит тихо. — Не потому, что я могу что-то изменить. А потому, что нести это одному — слишком тяжело.

— Я боялся, что ты выберешь Сашу. — Голос приглушён подушкой. — И я бы не винил. Он — твоя совесть. Катя — моя. И я не знаю, как быть, если их придётся менять.

— Не придётся, — Яна рубанула воздух ладонью. — Мы вытащим всех. Я обещаю.

Кротов поворачивается. В глазах — та влага, которую мужчины называют «потом» и «усталостью».

— Как? У тебя нет плана. Оружия нет. Сухоруков под подозрением. Они везде: в больнице, в полиции, даже в пансионате с наколками. И флешка — та, которую мы взяли в Вершинном. Шэн хочет её назад. Ты же знаешь, там не только данные — там ключи доступа к его счетам. Если отдашь — он сможет вывести деньги.

— Если не отдам — Катя умрёт. — Яна встаёт. Колено хрустит — сухо, противно. Подходит к окну, отдёргивает край шторы. Во дворе пусто. — Ты делаешь вид, что подчиняешься. Соглашаешься на любые условия. Тянешь время. А я иду на встречу с Шэном. Отдам ему пустышку. А настоящую флешку мы спрячем.

— Он проверит.

— Не сможет. Все считыратели в его кабинете я выведу из строя. А если и сможет — к тому моменту мы уже вытащим Сашу. А флешка останется у нас.

— А если они убьют её, когда поймут, что ты их обманула?

— Не убьют. — Яна садится на корточки, заглядывает в глаза. — Ты три года выживал с долгами и угрозой. Справлялся. Справишься и сейчас. Играй роль. А мы с Сухоруковым решим остальное.

— А если меня убьют? Кто позаботится о Кате?

— Я. — Голос Демьяныча. Старик сел на раскладушке, натянул ватник. Из кармана ватника торчит рукоятка старенького «ТТ» — Яна видит впервые. Глаза Демьяныча мутные, но в них та твёрдость, что бывает у людей, переживших войну. — Я позабочусь, сынок. Бог даст — выживем все. Не даст — я Катку не брошу.

Кротов смотрит на него долго. Кивает.

— Ладно. Иди. Я буду ждать.

В половине шестого Яна собирается.

Свитер, бушлат. Ноги она обмотала поролоном и скотчем — других сапог нет. Пистолет оставляет под матрасом — Сухоруков просил без оружия. Нож в голенище — маленький, дамасская сталь, выменян в колонии на три пачки «Примы». Диктофон и запасная батарея — во внутреннем кармане. Наушник — в ухе, прикрыт волосами. И флешка. Не настоящая — пустышка, которую Коля подготовил. Тот же корпус, та же маркировка, но внутри — мусор. Настоящая, с копией данных, осталась у Сухорукова.

Она выскальзывает в чёрный ход в пять сорок. Двор пуст — ни машин, ни людей.

Автобус в 5:53. Пустой, внутри — бензин и холод. Она садится у задней двери.

Карцер. Бетонный мешок. Босые ноги на цементе. Считает секунды. Один — левая, два — правая. Надзиратель с дубинкой: «Подписывай, сука». Подписывает. Потому что иначе — смерть. От холода.

— Ваша остановка, — водитель вырывает её из прошлого.

Недостроенный торговый центр. Бетонная коробка без окон. Внутри — цементная пыль и крысиный яд.

Сухоруков ждёт у колонны. В гражданской куртке, кепке. Небрит, под глазами — фиолетовые круги. На безымянном пальце правой руки — обручальное кольцо. Яна знает: он не женат. Значит, носит память. Зачем-то.

В кармане его куртки тихо играет Чайковский — он нажал на паузу, когда она вошла.

— Докладывайте, — хрипит.

Яна рассказывает всё. Про сообщение Шэна, видео Кати. Про флешку-пустышку. Сухоруков слушает, не перебивая. Потом:

— Меня отстранили. «Нарушение процедуры». Рапорт анонимный, но подписал и. о. начальника. — Он достаёт небольшую коробочку. — Держи. Глушилка. Сразу после передачи флешки включай — у тебя будет три минуты, чтобы вытащить Ковалёва.

— А настоящая флешка?

— В сейфе у Громова. Если он «крот» — я труп. Если нет — прикроет. — Он кривится. — Тот парень из цеха дал показания на Громова. А потом его нашли в камере с переломанными пальцами. Он подписал всё. И повесился.

Яна молча сглатывает.

— Время, — Сухоруков протягивает бумажку с одноразовым номером. — Иди. Прикрытие будет на расстоянии. Не играй героя.

— Я никогда не играю героя. — Она прячет номер. — Я просто выживаю.

Автовокзал встречает запахом мочи и дешёвой выпечки.

Ячейка 43, код 1406. Внутри — полевой телефон «ТА-57», завернутый в чёрную ткань. Стикер с номером.

Она звонит. Голос — спокойный, искажённый модулятором.

— Южный выход. Микроавтобус «Спецрейс № 3». Без оружия. Флешка с собой?

— Со мной. Где Ковалёв?

— Жив. Пока жив.

Гудки.

Микроавтобус — старый «Спринтер» с зашторенными окнами. Водитель в кепке и очках. Красная лампочка над дверью мигает.

Сорок минут дороги. Яна считает повороты, время, шум шин. На двадцатой минуте замечает в зеркале дальние фары — держат дистанцию. На тридцать пятой дорога ныряет в лес.

Она выходит. Мороз под сорок, воздух застревает в горле.

Поляна, коттедж. Забор-сетка с колючкой. Камеры на столбах. У входа — двое с автоматами. В рукаве — нож.

Охранник обыскивает. Обшаривает бока, ноги, голенища. Ножа не находит — он в специальном кармашке, сама пришила. Флешку находит в нагрудном кармане, вертит в руках, суёт обратно.

— Проходи.

Внутри — камин и кофе. Гостиная — копии Левитана, мягкие кресла. У огня — Чжао Шэн. Выбрит, в свежей рубашке. Трость с драконьей головой.

Но глаза — старые. Мутные, с красными нитями.

— Здравствуй, Яна. Садись.

— Где Ковалёв?

— Наверху. С врачом и капельницами. — Он кивает. — Садись, я сказал.

Она не двигается. Шэн вздыхает, машет охраннику. Планшет, живое видео. Ковалёв на кровати, глаза открыты, пусты.

— Жив. Твоя очередь. Флешка.

Она кладёт пустышку на журнальный столик. Шэн не берёт. Поднимается, опираясь на трость. Подходит близко — лекарства и старость.

— Ты лжёшь. — Он смотрит в глаза. — Это не та флешка. Корпус тот, но начинка другая. Ты думала, я не замечу? — Он усмехается. — Ты убила мою дочь. Ты разрушила мою империю. Теперь ты пришла с подделкой?

— Твоя дочь делала из людей овощи, — Яна не отводит взгляда.

— А ты делала это из моих бойцов. Мы квиты. — Он кивает охранникам. — Взять её. Обыскать. Настоящая флешка где-то здесь.

Двое бросаются вперёд.

Нож вылетает из рукава раньше, чем первый успевает коснуться её плеча. Лезвие входит в шею мягко, без хруста — только тёплая кровь брызжет на лицо. Он оседает без звука. Второй — удар ногой в пах, рукояткой по затылку. Он рушится на ковёр.

Кровь на стенах, на лице Шэна. Старик не отшатывается. Вытирает щеку тыльной стороной ладони.

— Всё равно проиграешь. Ковалёв умрёт. А девочка... — Он улыбается. — Такие девочки, как Катя, быстро находят новых мам. Не все возвращаются.

— Заткнись.

Сверху топот.

Она пинком опрокидывает кресло, преграждая путь, и рвётся к выходу. Дверь распадается — в проёме Кротов. Его держит за шею третий охранник, пистолет у виска. Кротов бледен, лицо в крови, но глаза — живые, злые.

Чуть заметный кивок.

Пистолет из внутреннего кармана, выстрел без цели — в плечо. Охранник вскрикивает, роняет оружие. Кротов падает, перекатывается, хватает пистолет.

— Выходим!

Теперь у неё нож, у Кротова — три патрона. Чёрный ход, кухня, гремящие кастрюли. За спиной — крики Шэна, топот, стрельба. Пуля вбивается в дверной косяк, выбивая щепку.

Холод. Снег по колено.

Кротов бежит первым — звериным чутьём находит тропу. Яна за ним, хромая на правое колено. Считает шаги. Один — левая, два — правая.

Пуля ударяет в сосну у самой головы. С веток сыплется снег.

— В ельник!

Они ныряют в густые заросли. Ветки хлещут по лицу. Темнота, только звёзды сквозь просветы.

Кротов падает — спотыкается о корень. Яна подхватывает, тащит, пока не находит поваленную лиственницу с лапником. Заталкивает в укрытие, падает рядом. Тишина.

— Ты... знала, что я пойду? — хрипит Кротов.

— Догадалась.

— А ты — из тех, кто врёт? — он усмехается. — Сказала, что пистолет оставила.

— Если бы ты знал, ты был бы спокоен. А спокойные ошибаются. Я хотела, чтобы ты боялся.

— Сработало, — он вытирает кровь со лба. — Я слышал, как они говорили. Ковалёв на втором этаже, зелёная дверь. Он там.

— Уверен?

— Да. И ещё: твой таинственный спаситель здесь. Я видел его. Стоял в кустах, смотрел. Потом исчез.

— Мастер Ли, — шепчет Яна.

— Кто это?

— Потом.

Она поднимается.

— Нам нужно вернуться. Саша там.

— Ты с ума сошла! Нас двое, оба раненые, три патрона.

— Я не оставляю его. — Она выдёргивает руку. — Можешь ждать здесь. Через час — уходи. К Демьянычу. Вызывай полицию.

— Ты не вернёшься, — говорит Кротов тихо. — Поэтому пойду с тобой. Дурак с дураком — два сапога пара.

Они идут в обход — через гараж. Не заперто. Две машины под чехлами, канистры, верстак. Лестница на второй этаж.

Коридор пуст. Зелёная дверь в конце.

Яна толкает ногой.

Ковалёв пристёгнут ремнями к кровати. Мониторы пищат, капельница капает. Глаза открыты — пусты, как в бункере.

— Саша, это я, Яна.

Никакой реакции.

Она перерезает ремни. Один, второй, третий. Он не сопротивляется.

— Саша, три ложки сахара, — шепчет в самое ухо. — Ты всегда клал три ложки. Даже когда я просила не класть. Помнишь?

Зрачки дрожат. Рука медленно, с усилием, сжимается в кулак. Потом разжимается — и ложится на её плечо.

— Уводи, — Кротов от двери. Пистолет смотрит в коридор. — Я прикрою.

Она ставит Ковалёва на ноги. Он шатается, но идёт.

Коридор, чёрный ход. Дверь во двор. Мороз обжигает лицо. Сзади — выстрелы, крики. Кротов отстреливается.

— Беги!

Она бежит. Тащит Ковалёва, почти волоком. Колено горит огнём, снег по пояс.

Лес. Тишина.

И внезапно — след. Не её, не Кротова. Чужой, странный: кедровый орех, втоптаный в снег. В этих краях кедры не растут. Это знак. Личная метка Мастера Ли.

Мастер Ли вышел из-за ствола. Невысокий, в чёрной куртке, лицо скрыто шарфом. Глаза — узкие, цепкие, с глубокими морщинами в уголках.

— Иди за мной, — по-китайски. — Я выведу.

Он идёт впереди, уверенно, как по начерченной линии. Яна тащит Ковалёва следом.

Замёрзшая река. В кустах — старый снегоход, замаскированный лапником. Мастер Ли заводит с полпинка.

— Садитесь. Довезу до города.

— А Кротов?

— Он выйдет другим путём. — В глазах старика усмешка. — Ты не единственная, кто должен платить долги.

Она усаживает Ковалёва. Обхватывает его руками. Снегоход рвётся вперёд.

Ветер раздирает лицо. Снег забивается в рот. Едут час, а может, два. Только холод, тряска, и дыхание Ковалёва становится глубже.

Свет. Фонари. Город.

Ангар на окраине.

Мастер Ли глушит двигатель, спрыгивает.

— Дальше сами.

— Спасибо, — Яна смотрит на него. — Зачем вы это делаете? Вы не должны мне.

— У меня тоже была ученица, — голос старика становится чуть тише. — Девятнадцать лет. Её забрали. Сделали вещь. Я не смог спасти. — Пауза. — А ты — сможешь.

Поворачивается — и исчезает в метели.

Яна стоит, сжимая в кулаке медную иконку Николая Угодника. Демьяныч сунул на прощание.

— Саша, — шепчет она. — Мы дома. Почти.

Он не отвечает. Но его рука на её плече чуть заметно сжимается.

В городе завывает милицейская сирена. Снег всё падает, замечая следы.

Чистого листа не бывает. Бывает только следующий бой.

Глава 2. Ангар

Заброшенный ангар стоял на отшибе Иркутска, в промзоне, где никто не задавал вопросов. Ржавый гофрированный металл, выбитые окна, заваленные снегом поддоны и бочки. Внутри — мазут, прелая солома и мышинный яд.

Яна втащила Ковалёва внутрь, усадила на груды автомобильных покрышек. Кротов ковылял следом, прижимая руку к простреленному плечу — кровь сочилась сквозь пальцы.

— Садись. — Яна кивнула на ящик. — Дай посмотрю.

Кротов опустил голову, заскрежетал зубами, когда она оторвала рукав от раны. Пуля прошла навывлет — чисто, кость не задела.

— Перевяжу. Демьяныч дал бинты и йод.

— Откуда у него...

— Не спрашивай.

Обрабатывая рану, она искоса поглядывала на Ковалёва. Тот сидел неподвижно, глядя в одну точку — на стену, где когда-то висела табличка с номером ангара. Глаза пусты. Но дышит ровнее, и пульс на шее бьётся сильнее.

— Саша, — позвала она.

Молчание. Только ветер свистит в дырах ангара.

— Он как зомби, — прошептал Кротов. — Как те, в бункере.

— Нет. — Яна покачала головой. — Те были отключены полностью. А он... он схватил меня за плечо. Слышал. Значит, пробивается.

Она вернулась к Ковалёву, села перед ним на корточки. Взяла его руку. Пальцы холодные, но не ледяные. Сжала их — слабо, но ответно.

— Три ложки сахара. — Она говорила вполголоса, почти на ухо. — Ты меня слышишь, Саша Ковалёв? Тогда, в дежурке, ты ставил чайник и молчал. Просто сидел рядом. Я тебя вытащила — теперь ты мне должен. Не смей уходить в себя.

Глаза его дрогнули. Веки медленно опустились и поднялись. Не ответ — но не пустота.

Кротов закончил с повязкой, затянул узел зубами. Встал, достал телефон — тот самый, с видео Кати. Нажал вызов. Длинные гудки. Сброс. Ещё раз — те же гудки, потом короткие, потом тишина. Кротов сунул телефон в карман, отвернулся к стене. Плечи его напряглись, но он ничего не сказал.

— Не отвечают? — спросила Яна.

— Нет. — Голос сухой, с наждаком. — Вера Станиславовна, блядь... — Он замолк на полуслове, сжал кулаки.

— Вытащим, — бросила Яна. — Сначала — увести Ковалёва в безопасное место, потом — за ней.

— Куда? В гостиницу? Там нас уже ждут.

— Демьяныч говорил про старую сторожку за вокзалом. Ключи у него. — Она помолчала. — Но сначала — Сухоруков. Он должен знать, что мы вытащили Сашу.

— Ты ему веришь?

— Не верю. Но без него мы не пробьёмся.

Она достала одноразовый телефон, набрала номер. Гудки. Трубку сняли после второго.

— Докладывайте, — голос майора резкий, с хрипотцой.

— Ковалёв у нас. Встреча с Шэном прошла не по плану. У него были люди в пансионате — шантажирует Кротова дочерью.

— Знаю. — Сухоруков помолчал. — Я нарыл кое-что. Но не по телефону. Встретимся через час у старого мясокомбината на выезде. Приходи одна. И возьми Ковалёва с собой — его нужно спрятать в надёжном месте.

— Какое место?

— Демьяныч знает. Всё.

Отбой.

Яна убрала телефон.

— Едем к мясокомбинату. Сухоруков скажет остальное.

Кротов кивнул. Помог поднять Ковалёва. Тот стоял, шатаясь, но не падал. Яна взвалила его руку себе на плечо — и они вышли.

Метель усилилась. Белая круговерть скрывала следы, путала дорогу. В трёх шагах уже ничего не было видно. Яна шла медленно, переставляя ноги с осторожностью, чувствуя, как правое колено начинает гудеть.

Ковалёв вдруг остановился. Замер, будто наткнулся на стену. Глаза закатились, тело обмякло — он начал оседать. Яна едва успела подхватить его, рывком взвалила на спину. Семьдесят килограммов мёртвого веса. Колено хрустнуло, боль прострелила до поясницы. Она закусила губу, переждала.

— Саша! — крикнула она, тряся его за плечо. — Очнись!

Он не реагировал. Кротов подскочил, с другой стороны, придержал, помог уложить Ковалёва на снег — лицом вверх. Нашупал пульс, приложил ухо к груди.

— Жив. Дышит. Отключился — перегрузка.

— Неси его, — скомандовала Яна. — Я пока передохну.

Они переложили Ковалёва на спину Кротова. Тот закричал, но пошёл. Шаг, второй, третий. Искусанная губа кровоточила.

Через два квартала показалась сторожка Демьяныча — бревенчатый домик в конце глухого переулка, прилепившийся к железнодорожной насыпи. Крыша просела, крыльцо скрипело, но из трубы шёл дым.

Демьяныч открыл дверь до того, как они постучали. Увидел Ковалёва — без слов, только перекрестился. Потом помог затащить его внутрь.

В сторожке было тесно. Русская печь, стол, две лавки, полка с иконами. На печи — закопчённый чайник. Из-под лавки выглядывал ствол «ТТ». Старик не спрятал.

— Ты с оружием, — заметил Кротов.

— В моём возрасте осторожность — не малодушие, — буркнул Демьяныч, разливая чай в алюминиевые кружки. — Пей. Яна, ты вся белая.

Она села к столу, взяла кружку. Чай обжигал губы, пах дымом и мятой.

Ковалёва уложили на пол у печи, подстелив тулуп. Он лежал неподвижно, но глаза открыл — смотрел в потолок. Дышал ровно.

— Очухается, — сказал Демьяныч.

— Дай карту, — потребовала Яна. — Ту, про которую ты говорил.

Старик без лишних слов достал из-под половицы свёрток — старую карту на кальке, пожелтевшую, с надрывами. Развернул на столе.

— Старый рыбацкий посёлок на Байкале. Маяк, причал. Сейчас никто не живёт — с девяностых заброшено. Дороги нет, только зимой по льду. — Он ткнул пальцем в точку. — Вот. Добираться лучше с восточного берега, там меньше трещин. Но лёд сейчас тонкий, местами промоины. Снегоход провалится.

— У нас нет снегохода.

— Будет. — Демьяныч выпрямился. — В Листвянке живёт мужик, Кузьма. Должен мне. Даст старый «Буран» на сутки. Я договорюсь. Только вернуть потом.

— Вернём.

— Не обещай, не знаешь.

Кротов, до этого сидевший молча, вдруг снова достал телефон. Набрал номер пансионата — по памяти, потому что заучил его наизусть. Гудки. Долгие. Потом — щелчок.

— Детский пансионат «Берёзка», здравствуйте, — женский голос, приторный, как сироп. — По какому вопросу?

— Моя дочь... Катя Кротова. Я хотел бы узнать...

— Проверьте график посещений на сайте. До свидания.

Сброс.

Кротов сжал телефон так, что пластик треснул. Яна положила руку на его плечо.

— Вытащим, — повторила она. — Дай срок.

— Срок... — он усмехнулся. — Я и так три года ждал. Ещё немного потерплю.

— Вот и терпи.

В дверь постучали — условным стуком: два коротких, один длинный. Яна подошла, вскинув нож, выглянула в щель.

Сухоруков.

Он вошёл, стряхивая снег с кепки. Увидел Ковалёва, нахмурился. Увидел «ТТ» под лавкой — не сказал ни слова.

— Вы быстро, — кивнула Яна.

— Не терпится. — Он сел к столу, отодвинул кружку с чаем. — Слушайте. Пансионат «Берёзка» — это не просто детский дом. Это перевалочный пункт. Детей оттуда отправляют за границу, в закрытые клиники. Катя — не единственная. Их там человек десять, может, больше.

— Откуда данные?

— Палыч перед смертью успел передать кое-что. Я перепроверил. — Сухоруков помолчал. — Но это не всё. У Шэна есть резервная база на Байкале. Там же, предположительно, находится второй сервер с копией данных. Информацию подтвердила Алтанцэцэг, внучка Шэна — она работает на базе поварихой и через Мастера Ли передала нам карту.

— Если мы её возьмём — сможем развалить всю сеть.

— А Вэйлун? — спросил Кротов.

— Тоже там. Ранен, но опасен.

Яна смотрела на карту.

— Значит, на Байкал. Когда?

— Завтра на рассвете. Я даю двух человек — Савченко и Колю. Снегоходы будут. Оружие — тоже. — Он взглянул на Ковалёва. — А его оставите здесь, с Демьянычем.

— Нет. — Яна рубанула воздух ладонью. — Он едет со мной.

— Он не ходок.

— Будет.

Ковалёв, лежавший у печи, вдруг шевельнулся. Приподнял голову. Глаза его — мутные, с трудом фокусирующиеся — нашли Яну. Губы дрогнули. И он произнёс одно слово, едва слышно, срывающимся голосом:

— ...сахар...

Тишина в сторожке стала плотной, как вата.

Кротов выдохнул. Демьяныч перекрестился. Сухоруков молча смотрел.

Яна подошла, взяла Ковалёва за руку.

— Саша, ты со мной?

Он не ответил. Но его пальцы сжались — слабо, но осознанно. И он кивнул. Один раз. Едва заметно.

— Завтра на рассвете, — повторила Яна, глядя на Сухорукова. — Жди нас у выезда на Листвянку.

— Договорились. — Майор встал, натянул кепку. — Только, Яна... Будьте осторожнее. Шэн — не дурак. Если он понял, что вы ушли с Ковалёвым, он ударит по вам через близких. Кротов, спрячь дочь. Надёжно.

— У меня нет надёжного места, — глухо ответил Кротов.

— Тогда найди.

Сухоруков вышел. Метель метнула в дверь снежную взвесь.

Демьяныч подбросил дров в печь, придвинул к огню закопчённый чайник.

— Спите, — сказал он. — Завтра путь неблизкий.

Яна легла на лавку, подложив под голову бушлат. Кротов свернулся на полу рядом с Ковалёвым. Старик задул лампу.

В темноте только потрескивали дрова. Где-то далеко выла сирена — то ли милиция, то ли скорая.

Яна не спала. Смотрела в потолок, где плясали блики от огня, и перебирала в голове завтрашний маршрут.

Байкал. Лёд. Вэйлун. Шэн.

И одно слово, которое произнёс Ковалёв: «сахар».

Значит, ты всё-таки здесь, Саша. Не ушёл окончательно. Значит, есть за что бороться.

Она закрыла глаза.

Завтра начнётся самое трудное.

Но она была готова.

Глава 3. Лёд и кровь

Ночь в сторожке Демьяныча тянулась бесконечно — как застывшая смола, чёрная и липкая. Яна лежала на лавке, подложив под голову бушлат, и смотрела в потолок. Трещины в почерневших от времени досках складывались в очертания материков. Евразия, где-то там, за тысячу километров, лежал Шэн. Она представляла его лицо: бледное, с жёлтыми белками, с сеткой морщин. И его улыбку, когда он сказал: «Ты убила мою дочь. Я торгуюсь за мсть».

«Я не убивала Лин. Она погибла при взрыве. Но Шэну всё равно. Для него я — убийца. И он будет мстить, пока жив — или пока я не остановлю его».

Колено ныло тупой, пульсирующей болью. Правая рука, которой она наносила удар ножом, всё ещё дрожала — мелко, навязчиво. Не от слабости — от напряжения, которое не могло выплеснуться.

Рядом, на полу, Кротов ворочался во сне. Бормотал что-то, дёргал плечом — перевязка мешала. Каждые полчаса он доставал телефон, смотрел на экран (ни одного нового сообщения), прятал обратно. И снова закрывал глаза, но не спал — только делал вид.

Ковалёв спал глубоко, почти без звуков. Иногда его веки вздрагивали, пальцы сжимались в кулак, и тогда Яна вглядывалась в его лицо, пытаясь уловить проблеск сознания. Но он молчал. То слово — «сахар», сказанное вечером, — больше не повторилось.

Демьяныч сидел у печи, подбрасывал дрова. Время от времени он крестился на икону, шевелил губами. Яна не разбирала слов, но знала: старик просит для них дороги.

— Не спится, дочка? — спросил он негромко, не оборачиваясь.

— Не спится, отец.

— Помолился бы. Легче станет.

— Я не умею молиться.

— А ты не умеючи. Бог услышит. — Он помолчал, потом добавил: — Ты не бойся. Я там, за вас, каждую ночь. С той самой, как вы из тайги вышли.

Яна не ответила. Смотрела в пламя.

В четыре утра она встала.

Размяла затекшую шею, потянулась, хрустнув позвонками. Колено отозвалось прострелом, но она не обратила внимания. Подошла к столу, где лежала карта.

Старый рыболовецкий посёлок — в западной части Байкала, возле скалистого мыса. От Иркутска — сто двадцать километров. По льду — быстрее, если не провалишься.

— Доброе утро, — Демьяныч подал кружку с чаем. — Надумала?

— Надумала. — Яна отхлебнула, обожглась. — Когда выезжать?

— Светает в девять. К тому часу доберётесь до Листвянки, заберёте снегоход у Кузьмы. Часа три ходу — будете на льду.

— Сухоруков обещал своих людей на выезде.

— Значит, встретитесь. — Старик помолчал. — Яна, ты там поосторожнее. Лёд сейчас — как стекло. Местами трещины, местами промоины. Если провалитесь, никто не спасёт. Вода ледяная, течение подо льдом сильное. Утянет.

— Спасибо, отец. Я помню.

Кротов проснулся, когда Яна уже застёгивала бушлат. Поднялся, морщась от боли в плече, натянул куртку.

— Выходим?

— Выходим. — Она кивнула на Ковалёва. — Помоги поднять.

Ковалёв сел с трудом. Глаза его были открыты, но взгляд — далёкий. Он посмотрел на Яну, потом на Кротова, потом на свои руки. И медленно, будто преодолевая сопротивление, поднялся на ноги.

Сам.

— Пошли, — сказала Яна. — Саша, ты идёшь со мной. Кротов — за нами.

Она взяла его за руку, вывела на крыльцо. Мороз ударил в лицо, заставив зажмуриться. Снег перестал, небо на востоке только начинало сереть — тяжёлые свинцовые тучи висели низко, обещая новый снегопад.

Демьяныч перекрестил их на прощание, сунул в руку Яне краюху хлеба и маленький свёрток с патронами к «ТТ».

— Не пригодится — за мной хлеб, — сказал он. — Пригодится — поминайте, как хотите. Кротов кивнул, не оборачиваясь.

Выезд из Иркутска занял час. Шли пешком — транспорт привлёк бы внимание. Ковалёв двигался медленно, иногда останавливался, переводил дыхание, но не падал. Яна не подгоняла.

— Ноги не слушаются, — сказал он на первом привале. Голос был тихим, но в нём прорезалась та стальная нотка, которую Яна помнила с прежних времён. — Будто чужие.

— Ничего, отойдут. Кровообращение восстанавливается. — Кротов, придерживая перевязанное плечо, сел рядом на обледенелую скамейку. — Ты, главное, дыши глубже. Кислород нужен мозгу.

— Спасибо, доктор. — Ковалёв криво улыбнулся. И посмотрел на Яну. — Яна... ты спасла меня. Зачем?

— Затем, что ты мой напарник, — ответила она, не оборачиваясь. — Затем, что не бросают своих.

— Даже если свои уже не те?

— А ты проверь.

Он замолчал. Но улыбка не сошла с его лица — слабая, почти незаметная, но живая.

На окраине, у автозаправки, их ждал старый «Урал» с брезентовым верхом. За рулём сидел коренастый мужик в тельняшке и кожаном картузе — Савченко. Рядом, на пассажирском сиденье, Коля — молодой, с короткой стрижкой и внимательными глазами.

— Садитесь, — Савченко кивнул на задний борт. — Сухоруков сказал — довезти до Листвянки. Там снегоходы.

— А вы?

— А мы с вами. Майор приказал прикрывать.

Яна помогла Ковалёву забраться в кузов. Кротов запрыгнул следом. «Урал» завёлся со второй попытки, затарахтел, зарычал и покатиł по заснеженной дороге.

В кузове было темно, пахло соляной и брезентовой. Яна сидела напротив Ковалёва, сжимая в руке нож.

— Саша, — позвала она. — Ты меня слышишь?

Он посмотрел на неё. Глаза его — мутные, с красными прожилками — на секунду сфокусировались. Он кивнул.

— Слышу, — прошептал. Голос сорванный, чужой. — Яна... это ты?

— Я.

— А где... где мы?

— Едем на Байкал. За Шэном. — Она взяла его за руку. — Ты с нами?

Он помолчал. Потом пальцы его сжались — слабо, но осознанно.

— С вами, — выдохнул он. — Три ложки сахара...

Кротов усмехнулся, но без насмешки.

— Живой, ёлки-палки.

Листвянка встретила их рассветом — серым, неуютным. Байкал был рядом: ветер приносил запах льда и водорослей. Деревня растянулась вдоль берега — деревянные дома, причалы, моторные лодки под снегом.

Кузьма оказался высоким, сутулым мужиком с седой бородой и вечными слезящимися глазами. Он вывел из сарая два снегохода: старый «Буран» с ободраным боком и чуть более новый «Тайга».

— Эти чё, ваши? — он кивнул на подъехавший следом «Урал», из которого вылезли Савченко и Коля.

— Наши, — ответил Савченко. — Снегоходы заряжены?

— Полные баки. По льду осторожнее. Вчера рыбаки провалились в двух местах — еле вытащили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.